
Философское наследие Петра II Петровича Негоша

© 2021 г. Д. Крцунович

Черногорский университет,
Черногория, Никшич, 81400, ул. Данила Бойовича, д. 66.

E-mail: dusankrcunovic@t-com.me
<https://www.ucg.ac.me/radnik/191119-dusan-krcunovic>

Поступила 17.03.2020

Тема тирании является одной из основных европейских литературно-философских тем в творчестве правителя Черногории, поэта и мыслителя Петра II Петровича Негоша (1813–1851). Тиранство, как феномен и понятие, является не только одним из ключевых слов в словаре поэта, но и несущей опорой в архитектонике его поэтического строения. Понятие тирании, появляющееся в стихотворении «Мысль» и в «Луче микрокосмоса», имеет особые значения. Но они, учитывая «Горный венец», взаимосвязаны и дополняют друг друга. Это предполагает последовательность, логическую согласованность, даже систематичность в развитии одного впечатляющего мотива и вызывающей темы. Оттуда понятие *тираномахия* – выражение, которое используется здесь как один из возможных подходов к оценке личности поэта, его творчества и литературно-философского мировоззрения. Ведь «призрак тирании» всегда нависает над асимметрией отношений между сильными и слабыми, большинства и меньшинства. Потенциал для тирании существует во всех отношениях, в которых меньший и более слабый противостоит большему и более сильному. В такой реальности кажущийся ценностно-нейтральный дисбаланс силы двух сторон, защитники имморализма силы всегда искали обоснование и оправдание доминации. Но факт имморализма мощи права сильного ставится под вопрос введением моралистического принципа справедливости. Не нужно исключать возможность того, что Негош, как правитель, увидел развитие от «призрака» тирании к ее мимикрии в реализме «политической теории», которая внедряет в этот призрак кровь легитимности.

Ключевые слова: Негош, тиранство, политический реализм, сила, справедливость, мысль, бессмертие, свобода, Христос.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-159-168

Цитирование: Крцунович Д. Философское наследие Петра II Петровича Негоша // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 159–168.

Philosophical Heritage of Peter II Petrović Njegoš

© 2021 Dušan Krcunović

The University of Montenegro,
66, D. Bojovica str., Nikšić, 81400, Montenegro.

E-mail: dusankrcunovic@t-com.me
<https://www.ucg.ac.me/radnik/191119-dusan-krcunovic>

Received 17.03.2020

The theme of the tyranny is one of the great European literary and philosophical themes in Njegoš's poetry. Tyranny (or Tirjanstvo) as a phenomenon and the concept is not only one of the key words in the vocabulary of Njegoš, but also one of the pillars of the architectonics of his poetic structure. The concept of tyranny appears in *The Thought* and *The Ray of Microcosm*, has special significance. When one taken into account *The Mountain Wreath*, these meanings are mutually connected and implicative. This suggests continuity, logical coherence, even systematic approach to developing a distinctive motifs and challenging subject. Hence the term *tyranomahia* is taken here as one of the possible approaches to the poet's personality, his work and his literary and philosophical view of the world. The *ghost of tyranny* always hovers over the asymmetries of the relationship between the strong and the weak, the majority and the minority. The potential for tyranny exists in all relationships where the smaller and weaker stand against the bigger and stronger. In this fa(c)tum, a seemingly value-neutral power imbalance between the two sides, proponents of immorality of the power have always sought a foundation and justification for domination. But the facticity of the immoral power of the law of the stronger has been called into question by the introduction of the moralistic principle of justice. It should not be ruled out that Njegoš, as a ruler, noticed the movement from the *ghost of tyranny* to its mimicry in the realism of the political theory which pumps the blood of legitimacy to that ghost.

Keywords: Njegoš, tyranny, political realism, power, justice, thought, immortality, freedom, Christ.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-159-168

Citation: Krcunović, Dušan (2021) Philosophical Heritage of Peter II Petrović Njegoš, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 159–168.

Сегодня мы стоим перед лицом такой тирании, которая благодаря «покорению природы», и в особенности человеческой природы, грозит превратиться в то, что не удавалось ни одной тирании прежних времен, – в тиранию вечную и всеобщую.

Л. Штраус

Существует большое количество строф из «Горного венца» правителя Черногории, поэта, философа Петра II Петровича Негоша (1813–1851), которые стали самостоятельными, вошли в устную традицию и таким образом перешли в разряд крылатых выражений; однако из их числа всегда выделялись такие, которые говорили о тирании, тиранстве и тиране. Это происходило еще и потому, что «анализ основ тирании»

Негоша [Обен 2013, 266] расширяет горизонты в обоих направлениях исторической траектории, которая снова и снова подтверждает его дальновидные идеи. Вот почему так часто цитируемые и упоминаемые выражения-пословицы и поговорки о тиранстве как историческом мировом феномене и *тираномахии* как «святейшем долге человека» и сегодня не являются орнаментальными *bon mots* поэта, принадлежащие исключительно драматическому периоду литературной деятельности и фактически-историческому времени, о котором свидетельствуют.

То, что идейно интригует и будоражит в сентенциозных размышлениях поэта о тирании, подтверждает непоколебимое чувство, растущее осознание и убеждение, что современный мир, в котором мы живем, ничуть не меньше «тирана» (тем более для «души благородной»), нежели во времена, в которые жил он. Тем более, что базовый принцип, на котором зиждется современный мир и международный порядок, часто можно охарактеризовать высказыванием Фукидида в «Истории Пелопоннесской войны»: «...право имеет решающее значение только при равенстве сил на обеих сторонах; если же этого нет, то сильный, делает то, что может, а слабый уступает» [Фукидид 1999, 258]. При смене исторических времен, понимаемых как «прогресс», в основную структуру современного мира входят три составляющих Фукидида. Первая «равноправна» в смысле силы (как сейчас говорится, «большие силы» или «международное сообщество»). Вторая – это «могущественные» силы. Третья – из «слабых» сил, взаимоотношения между которыми определяет принцип «сила – это право», или право сильного. В античные времена такое отношение сильных (которые делают, что можно и хочется) и слабых (которые делают что должно) называли «тирания». В то время как в современной европейской теории политики его называют «политический реализм» (*Realpolitik*) или «политика силы» (*Machtpolitik*), которая обесценивает вопрос справедливости, рационализирует и оправдывает смиренное повиновение силе. Причем те, которые принимают, теоретически подкрепляют и применяют на практике принцип «политической силы», позиционируют себя как сторонники реализма, в то время как их оппоненты называют себя «популистами» или «идеалистами». Как бы там ни было, актуальной остается мысль Дж. Оруэлла: «‘Реализм’ (когда-то это называлось бесчестьем) является частью политической атмосферы, правящей нашим временем» [Orwell 1970, 367].

Таким образом, становится понятно, что вопрос тирании у нашего поэта не связан исключительно с драматизмом нашей национальной истории, но является тем, что фигурирует в его творчестве в качестве одной из главных европейских литературно-философских тем, которые одновременно и классические, и современные, связывающие национальное с общечеловеческим и локальное с универсальным. Наряду с этим в многочисленной литературе по творчеству Негоша проблема тирании как таковой не получила статус особой литературно-философской темы. За исключением редких обзоров по тирании (см.: [Обен 2013, 204–284; Костић 1952, 153–157] как явлению, определяющему дисбаланс сил – то есть неравновесие сил в отношениях между двумя сторонами или отношение «сильных» к «слабым», не подразумевающее ни один (не)писанный моральный или юридический закон – тирания как особая тема у Негоша не рассматривалась. В этой литературе рассматривался важный правовой аспект данного феномена, и в основном это делалось на основании «Горного венца», в то время как важные проявления понятия тирании и его значения в других произведениях владыки не принимались во внимание.

В данной работе мы попытаемся частично заполнить такое упущение, исходя из нескольких базовых наблюдений и предположений. Понятие тирании появляется, помимо «Горного венца», в тех произведениях, в которых оно приобретает иные, важные и особые значения, однако при их рассмотрении видно, что они взаимосвязаны и отсылают друг к другу и предполагают преемственность, логическую последовательность и даже систематичность в развитии такого поразительного и вызывающего мотива и темы. Тот факт, что тема тирании представляет один из столпов архитектоники в поэтическом мире Негоша и его *тираномахическом* мировоззрении, подтверждает простой обзор произведений, в которых тиранство появляется как одно из ключевых слов словаря поэта.

Существует множество текстуальных подтверждений, позволяющих рассматривать Негоша как действующее лицо сложной *тираномахии*. Слова тирания, тиранство, тиранский, тиран постоянно фигурируют в его произведениях. В поэме «Свободиада» (написана в 1835 г., а опубликована посмертно в 1854 г.) они упоминаются шесть раз (см.: [Негош 1975–1982, II, 58, 59, 66, 91, 120]). Один раз слово «тиран» упоминается в стихотворении «Мысль» (1844 г.), затем четырежды мы встречаем его в «Луче микрокосмоса» (1845 г.), столько же употребляется и в «Горном венце» (1847 г.), а в «Самозванце Шчепане Малом» (написанном в 1847 и опубликованном в 1851 г.) встречается девять раз [Там же, IV, 9–201]. В избранных письмах Негоша мы встречаем это понятие в семи местах, затем оно встречается в стихотворении «Сабля бессмертного вождя (князя) Карагеоргия» (1840 г.) (она «... в руках вождя и витязя / сквозь полки тирана людского / страшно сверкала и кровью омывалась...» [Там же, I, 138]).

Хотя «Горный венец» является тем *locus classicus* понимания Негошем тирании, тем не менее сама данная лексема, фигурирующая в стихотворении «Мысль» и поэмах «Луч микрокосмоса», «Свободиада» и «Самозванец Шчепан Малый», никак не несет орнаментальную или риторическую функцию. Тем более, что в самых важных местах данных произведений, особенно в стихотворении «Мысль» и в поэме «Луч микрокосмоса», слово тиранство выражает особенные значения, перекликающиеся и взаимосвязанные.

В борьбе поэта против тирании заключается практически все его поэтико-философское мировоззрение в аспекте идеи справедливости, человечности и деонтологической этики человеческого долга сопротивления, на которых зиждутся человеческая свобода и достоинство, общество и его ценности. С одной стороны, как мирской правитель и стратег, Негош в самом прямом смысле являлся протагонистом *тираномахии* в условиях своего исторического опыта. В письме Леониду А. Франклу (от 12 октября 1851 г.), кроме всего прочего, он говорит следующее: «Я за границами просвещенного мира. Над моим тесным миром всегда гремят тиранские громы» [Там же, VI, 210]. С другой стороны, как духовный правитель, мыслитель и поэт, Негош являлся главным действующим лицом *тираномахии*, в ином смысле. Он рассматривает тиранию как мировой исторический и антропологический феномен, получивший в его произведениях статус как поэтического мотива, так и полноценной интеллектуальной проблемы и драматичной, беспокоящей духовно-экзистенциальной темы.

В связи с этим выражение *тираномахия* или «борьба с тиранией» является тем концептуальным аспектом, который рассматривается здесь в качестве одного из возможных способов подойти к изучению непостижимой личности, жизни и творчества нашего поэта – протагониста неслыханного и неповторимого *тираномахийского* бунта в сербской культурной истории, в ее свободолобивой и гуманистической традиции. Главные произведения Негоша содержат в себе свидетельства множественных *тираномахий*, развивающихся на нескольких взаимосвязанных планах: на метафизическо-космологическом, антропологическом, историческом, геополитическом и общественном. Одним словом, «Его жажда свободы не удовлетворима, как это случается у многих, лишь освобождением от турецкого “тиранства”, то есть, от исторического зла, которому подвержен человек. Он жаждет свободы на плане бытия, экзистенции, свободы метафизической» [Радовић 2017, 218].

Все начинается с внутренней духовной борьбы в стихотворении «Мысль» (1844). Оно представляет собой исходную точку, из которой развивается *тираномахическая* битва поэта. Борьба со всеми видами внешней тирании начинается с собственной внутренней организации, с того, что тиранизирует человека изнутри. Таким образом, первый шаг заключается в самонаблюдении и проникновении внутрь себя, в собственную суть мыслящего существа. Если мысль человеческая – «пламень божественный в никчемном храме» его телесности, то волей какой судьбы этот «пламень» зажжен в человеке? «Или ты для тела вечное мучение / Или тело тебе времени темница? / Где закон таинственный, что вас составил? / Какое право дает вам это свойство?» [Негош 1975–1982, I, 158]. Начало стихотворения «Мысль» возрождает вопросы традиционной

метафизики об отношении души и тела, ума и чувств. Как и все великие мыслители и поэты, Негош вынужден по внутренней необходимости собственной природы отвечать на вопросы о том, что такое мысль, что означает мыслить и откуда вообще у человека неискоренимая потребность размышлять о том, что, во всяком случае, в этой жизни знать не дано. «Если не бессмертия свидетель мне ты, / Значит, ты мой бич и тот тиран жестокий, / Что лишь клятая судьбина для мученья / Человеку приготовить обещает, / Чтобы дни короткие никчемной жизни / В горестном проклятье и слезах окончить» [Негош 1975–1982, I, 158].

Таким образом, мысль является «пламенем божественным» и «бессмертия свидетелем» или она мучитель тела и тиран никчемной человеческой жизни. Она дар и благословение или наказание, злой *fatum* и проклятие (Об антиномической структуре и парадоксах в стихотворении «Мысль» см.: [Ломпар 2017, 51–73]). Поэт возвращается к старым проблемам, можно сказать, к «школьным» примерам метафизических вопросов, но с новым подходом и с подлинным, исконным, личностным пафосом, восприятием и «оригинальным потрясением» [Секулић 1996, 147]. Существование идей и размышлений о душе, Боге, свободе и бессмертии характерно для человека с врожденной метафизичностью восприятия, как «*природной* способности человеческого разума» [Кант 1934, 268]. Наряду с этим, тот же человеческий ум, который не может не думать об основных идеях, являющихся частью его априорного инвентаря, не в состоянии получить надежное «научное» знание об их происхождении и функции. Он не получает знания об *ideatum* тех идей, без плутания в дебрях антиномии, впадения в скептицизм и безверие или в сомнамбулическую известность догматизма. Это была бы познавательная ситуация, как это видел Кант, в которой оказалась богатая традиция метафизики в современную эпоху. Данную мучительную двойственность ума и дьявольство мысли – этот недостаток надежных ответов, недоступность тайны бытия и существа, это сомнение. Негош чувственно воспринимает это как «тиранию ума», который ударами хлыста хочет или выбить из человека веру в свободу и бессмертие, или питать его бесполезными идеями и надеждами в его безнадежном плену и конечности.

Среди прочего, можно было бы здесь вынести предположения о том, что побудило поэта к размышлениям, выраженным в стихотворении «Мысль». Кажется, что в данном стихотворении, которое является своеобразным прологом и анонсом к «Лучу микрокосмоса», отражается современное антропологическое самосознание или эгзистенциальная ситуация современного человека после принятия новой естественнонаучной картины мира как пространственной и временной бесконечности. Внутри данной немой и равнодушной, холодной и мрачной бесконечности коперниковский мир как универсум – освобожденной всякого человеческого смысла и цели – положение человека определяет крайняя контингентность, неуверенность, страх, сомнение, бессилие, неприкаянность, отверженность или «ничтожность». Хорхе Луис Борхес к данному спектру современных аффектов добавил еще и малодушие, возникшее вслед за первоначальным воодушевлением свободой. Человеческая мысль, которая в классической платоновско-христианской картине мира была источником человеческого достоинства и величия, теперь становится источником величайшего несчастья и резигнации. Сама человеческая мысль, единственный свет во мраке вселенной, на каждом шагу показывает человеку его собственную контингентность и конечность. Первым европейским мыслителем, который, как истинный христианин, засвидетельствовал данное экзистенциальное состояние современного человека, был Б. Паскаль (см.: [Паскаль 1995, 127, 192, 205, 206]). Существует определенная близость между «Мыслями» Паскаля и стихотворением «Мысль» Негоша, и не только формальная и тематическая, но и содержательная, сущностная. В обоих текстах человек определяется как атом в ужасающей бесконечности абсолютного пространства, по идентичной мысленной траектории, то есть пересматривается состояние человека внутри бескрайнего мира как единственного мыслящего существа, связь между душой и телом, отношение человека и мира, Бога и мира, затем все произведения интеллектуальной

культуры, которые уничтожает время. Наконец, пересматривается и само бессмертие, на котором зиждется мораль классической культуры и христианства. То потрясение сомнениями современной «акосмической самости», поражающей в прошлом самоуверенную человеческую мысль, чувствуется в стихотворении Негоша «Мысль»: «Если не бессмертия свидетель мне ты, / Значит, ты мой бич и тот тиран жестокий» [Негош 1975–1982, I, 158]. Мысль буквально заставляет человека проникнуть светом знания в тайны, записанные в книге света, чтобы смертными глазами увидеть планы, по которым Творец создавал миры в бескрайнем пространстве, но и для того, чтобы увидеть свое будущее и всю судьбу. Такие тайны превосходят человеческие возможности познания («Если полог тайны приоткрыть сумеем, | то в загробье лишь!..» («Мысль», 35–36). Но человеческий ум с безуспешной мукой пытается обуздать мысль в ее кратком, но смелом полете познания: «Твоему полету, хоть он и короткий, | Никак ум границу поставить не может; <...> | людские границы смело превосходишь» («Мысль», 40–44). Негош усматривает разницу между двумя силами, которые он называет силой ума и силой мысли. Ум у Негоша настроен критически, так как стремится к осознанию в границах чувственного восприятия, в то время как *мысль* настроена творчески, так, как «...ища радостный престол отца вечности» («Мысль», 47), тяготеет превзойти границы осязаемого (Различие у Негоша между умом и мыслью можно сравнить здесь с различием у Канта между умом и разумом, поскольку ум соответствует наклонностям мышления, в то время как разум настроен на знание. Ум это то, что заставляет нас мыслить, даже о том, чего мы знать не можем; ум нас мотивирует задавать вопросы о смысле, в то время как разум ставит вопросы об истине). Поэтика космографии выказывает познавательную-творческую эффективность такого путешествия духа поэта, ведомого мыслью: от его полета-анабасиса в пределы «чертогов бессмертия» («Мысль», 45–67), через нисхождение-катабасис в «смертные пределы» («Мысль», 68–87), и вплоть до «земного шара» («Мысль», 88–107), к которому она привязана «цепью нерасторжимой», вдоль которой она (под)сказывала поэту свои конструкции, и только время их беспрестанно рушит. Однако все это не было бы возможно для простого человека, если бы мысль не «...зажгла душу огнем поэзии», благодаря которому человек способен восславить Творца в гимнах и узнать хоть что-то о мире, полное знание которого только у его Творца («Мысль», 108–127). Стихотворение «Мысль» начинается с вопроса, с надвигающегося чувства сомнения, фатализма и ощущения себя в ловушке, затем продолжается в путешествии через космические просторы и заканчивается все-таки в духовном ключе *bona fide*. Возвышенная мысль уверяет поэта в том, что она является «...частицей огня бессмертного», сродная Богу Творцу и сама по себе «священная» («Мысль», 128–140).

Так развивалась и так завершился первый этап в формировании *тираномахии* Негоша, в этот раз направленной против тирании диаболоческого и гиперболического сомнения. Это было сомнение о том, что мысль является «божественной искрой», «вестницей» и «бессмертия свидетелем», то есть сомнение, характерное для современного человеческого ума, которое могло быть вызвано антикосмизмом современного естествознания и инфинитизацией коперниканской вселенной (см.: [Паскаль 1995, 125–126, 258]). Как у Паскаля, так и у Негоша сомнение, конечно же, не играет роль окончательного утверждения, поскольку, когда говорится о бессмертности души, «...несомненно, испытывать такие сомнения – большое несчастье; но коль такие сомнения есть, то непрелужный долг состоит по меньшей мере в поисках; а тот, кто сомневается и не ищет, тот одновременно и очень несчастен, и очень греховен» [Там же, 192]. «Луч микрокосмоса» является величественным выражением того мыслительно-поэтического искания, которое было начато в стихотворении «Мысль». Если мысль – это божественная искра, вестник и свидетель человеческой свободы и бессмертия, зачем же тогда она ввергнута во временность и тесную темницу смертного тела, в котором она проводит свою короткую и тягостную жизнь? Взлет в стихотворении «Мысль» и видение поэта усилили его внутреннее беспокойство, которое повлекло за собой некоторые ответы: «Стонала душа, терзаясь в груди моей, | видя блаженство,

для нас сотворенное, по злой ошибке навеки пропавшее» [Ньегош 1975–1982, I, 160]. Эти ответы мы слышим в «Луче микрокосмоса», в котором наш поэт и владыка встречается лицом к лицу с тираномахом, без которого все *тираномахии* были бы бесполезны.

В *Посвящении* «Луча микрокосмоса» поэт объявляет главную тему поэмы, которую можно свести к поиску ответа на вопрос «откуда и куда», свойственной долгой традиции литературы Шестоднева, к которой и относится «Луч». И здесь вскоре мы встречаем еще один эпизод *тираномахии* Негоша, вероятно, из раннего периода его интеллектуальной и духовной биографии: «С Пифагором Эпикур [жестокий], / душ бессмертных злобные тираны! / <...> / вы людское унизили имя, и звание наше перед Богом, / с бессловесной сравняли нас [тварью], / [вы] украли искру божественну; / очаг ее изронил небесный, / [вы ж] одели скотской мертвечиной» [Там же, III, 135–142]. Пифагор и Эпикур называются в данных строфах «злобными тиранами душ бессмертных». Учения этих мыслителей мучают человеческую душу и унижают человеческое «звание перед Богом»: учение Пифагора о метампсихозе и палингенезии, то есть о переселении души после смерти и о ее повторном рождении, включающее и переселение в животные формы, и атомистическо-материалистическая физика и психология под влиянием атомизма Демокрита, а также эпикурейская гедонистическая этика. Поэт борется с этими образцовыми, сильными и влиятельными философскими учениями, и это принимает характер интеллектуальной *тираномахии*. Он сражался с изменчивой многоликостью феномена. Бунт *тираномахии* против человеческого унижения должен был выплеснуться и на интеллектуальном уровне.

В главной части шестодневной поэмы у поэта случается шокирующее видение доисторического и докосмического бунта Сатаны и человека против Бога, в нем находится ключ для понимания исторической судьбы человечества. Можно сказать, что сознательно неумное любопытство и любознательность поэта добиваются «апокалиптических» ответов, находящихся по ту сторону ортодоксальной традиции Шестоднева. Однако, как хорошо было замечено, «...на небе в противостоянии Бога и Сатаны, борьба против тирании начиналась тут» [Радовић 2017, 260]. Глубина человеческого «двойного» падения и «радикальности зла» радикализует и сам подвиг избавления, который следует понимать как самую важную человеческую *тираномахию*. Наказание Божье за прародительский грех теомахического бунта, предательства и преклонение перед богоборцем Сатаной является изгнанием из Рая, падением в материальность и власть смерти: «Изведу смерть из темницы мрачной / [и] на землю к ним ее пущу [Я], / облаченну в разные обличья, / пусть меж ними бродит яко ужас, / всюду сея опустошение; / тирании оная царица / безжалостно, образом ужасным, / насильственн[ым] о[б]ладая[я] правом, / от ярма их тяжкого избавит / и к духовной возвратит [вновь] жизни» [Ньегош 1975–1982, I, 206].

Мир после падения и историческое время обозначены как пространство, в котором смерть является «тиранства царицей» [Там же, 206] и где, как было сказано раньше, «глупость обвенчана с тиранством» [Там же, 154]. Смерть в различных формах и безумие власти угнетения, почивающей на человеческом страхе смерти (который «часто честь марает»), являются двумя главными проявлениями тирании в мировых исторических реалиях. Однако искупление судьбы человека, его освобождение и спасение обусловлены воплощением и воскресением Бога Слова. Величественными словами описывается явление Христова в конце «Луча». Именно здесь Христос является *тираномахом* и освободителем человека [Там же, 213]. Справедливость, просвещенность и мораль – главное оружие Христа, «Сына, достойного Отца предвечного», который «облачился в естество людское», чтобы победить «зло и тиранию». Восприятие Негошем Христа как архетип тираномаха, который «воскресеньем смерть поправил» [Там же], является особым, личным опытом восприятия бога, который невозможно свести к литературным влияниям.

Отслеживая дальнейший путь *тираномахии* Негоша, от стихотворения «Мысль» и «Луча микрокосмоса», мы наконец подходим к его главному историческому произведению, в котором борьба с тиранией, притеснением и угнетением представляется

как священная и возводится в ранг деонтологической этики. Докосмическая и до-историческая драма человека продолжают теперь в измерении эмпирического мира и исторического времени. Именно в «Горном венце» мы находим самые известные высказывания о тирании. До этого в «Посвящении праху отца Сербии» Негош возмечивает Карагеоргия как «бича тиранам», а уже в «Горном венце» появляются знаменитые крылатые выражения о тирании. Одно из них произносит игумен Стефан: «Мир этот есть тиран тирану, | тем более для души благородной!». Второе – звучит из уст владыки Данила: «Божья воля, вечный зов природы? / Мы не в силах разобраться в этом. / Волку право на овцу дается, / как тирану на людей бессильных. / Но тиранству стать ногой на горло, и поставить его перед правдой – / вот святое дело человека!» [Негош 1996, 66–67].

В «Горном венце», говоря о тирании, Негош затрагивает одно из главных противоречий в античной интеллектуальной культуре второй половины V в. до н.э. Тогда представители софистов дискутировали, направляют ли моральные (религиозные, эстетические и общественные) ценности и понятия то, что существует в природе (*physis*), или же речь идет лишь о человеческих конвенциях (*nomos*). Дихотомия природы и конвенции подразумевает, что для «натуралистов» доминанция более сильного над слабым – явление, полностью оправданное и находящейся в соответствии с природой (*physis*). Для «конвенционалистов» подобное поведение представляет собой насилие и тиранию, противоречащее человеческой этике, праву, обычаям, культуре (то есть, *nomos*-у). Конфликт между основами силы (сила есть право) и основами справедливости (право есть сила), или антитеза *physis* – *nomos* показан в известном «Мелосском диалоге» между афинянами и мелосцами, у Фукидида, а также в знаменитом диалоге Сократа с Горгием в одноименном произведении Платона. Для афинян, так же как и для Калликла, принадлежащих к лагерю натуралистов, «закон сильного» находится в соответствии с природой, в то время как «конвенциональная» мораль была против природы.

Таким образом, от греческого софистского движения и до наших дней сторонники натуралистического понимания справедливости полагают, что стремление сильных господствовать над слабыми вполне «естественно», оправданно, в соответствии с действительностью. В ситуациях неравенства и дисбаланса сил любая попытка противопоставить более слабую сторону более сильной и требование свободы, справедливости и равенства тщетна и иррациональна. Понимание, которое «право более сильного» приравнивает к понятию справедливости, сформировало политическое мышление, например, Макиавелли и Гоббса. За классическими и современными защитниками естественного права, как права сильного, каким-то образом следует и то, что XIX в. обозначил как «механизм естественного отбора» («выживают сильнейшие»), а XX в. окончательно назвал «политическим реализмом» или «политикой силы». Эхо данного рекуррентного, а сегодня, в европейской и мировой истории, и общепринятого понятия «справедливости», как права более сильного, слышится и в поэтическом творчестве Негоша, в котором оно называется своим настоящим именем – тирания или тиранство.

Вышеупомянутый *locus classicus* понимания Негошем тирании важен, поскольку локальные «исторические события», которые с точки зрения общей истории являются на первый взгляд неважными, выводятся в универсальную, мировую и историческую плоскость. Так, поэтические размышления Негоша согласуются с критическим пониманием тирании в классической греческой литературе и философии. Отвергая «право более сильного», то есть насилие, произвол, злоупотребление, безбожие и негуманность, которые являются характеристиками тирании (сегодня под маской «неореализма»), в приведении тирана к знанию, то есть «признанию» истинного понятия права, Негош видит «людской долг святейший». Истинными правами должны быть «...естественные права, принадлежащие каждому человеку уже по самому тому факту, что он человек. Их невозможно отнять или нарушить. Эти права являются антиподом права силы (в то время как про позитивные права такое сказать невозможно)». Поэтому тиранское «...господство терпеть нельзя, оно унижает человеческое достоинство»

[Костић 1952, 155]. Однако понятие тирании у Негоша созвучно с современным пониманием, берущим начало в период Французской революции, и также, сознательно или нет, с творчеством Пушкина. Ведущей темой поэта было отношение свободы и тирании [Обен 2013, 265]. Поскольку, когда Данило осуждает закон сильного, из которого рождается «бесчеловечность» [Там же, 264], и призывает наступить на горло тирании, он вдохновляется Декларацией прав человека и гражданина, упоминая в тех строках долг «бунта против тирании» [Там же, 266].

Тем не менее понимание Негоша обращено к нашему времени. Ведь «призрак тирании» всегда нависает над асимметрией отношений между сильными и слабыми, высшими и низшими, большинства и меньшинства, в отношениях человека к человеку, государства к личности, государства к государству и царства к царству... Одним словом, потенциал для тирании существует во всех отношениях, в которых меньший и более слабый противостоит большему и более сильному. В такой реальности кажущийся ценностно-нейтральный дисбаланс силы двух сторон, при естественном порядке вещей, при котором существует двойственность и вечная борьба между сильными и слабыми, защитники иморализма силы всегда искали обоснование и оправдание доминации.

Негош очень рано столкнулся с этим мучительным фактом. Будучи еще действительно «юным и неопытным» владыкой, Негош, наряду с неурядицами с турецкой стороны, столкнулся и с яркими австрийскими территориальными притязаниями, на которые он не готов был ответить ни дипломатическим, ни военным путем. В связи с этим он пишет Еремие М. Гагичу (20 декабря 1830 г.), смиренно приводя, как он сам говорит, «древнюю пословицу»: «У кого сила, у того и правда» [Негош 1975–1982, VI, 14]. В продолжение письма он нехотя понимает, что надо терпеть, однако добавляет: «А с другой стороны, неважно, насколько он силен и могуч (он говорит об австрийском императоре), а бесосовестно нас гольтыбу притесняет» [Там же].

Имморализм мощи права сильного ставится под вопрос введением моралистического принципа справедливости. Не нужно исключать возможность того, что Негош, как правитель, увидел развитие «призрака» тирании в ее мимикрии в реализме «политической теории», которая вливает в эту мимикрию кровь легитимности. «Несвятой альянс» между силой и справедливостью, который еще со времен греческой древности выступает под девизом «сила дает право» – что у Платона неформально выступает девизом тирании и симптомом релятивизма моральных ценностей – у поэтически созревающего Негоша будет расторгнут в «Горном венце» как литературном свидетельстве его тираномахиического сопротивления и бунта. Этому предшествовали внутренние духовные *тираномахи* в стихотворении «Мысль» и метафизическо-космологические *тираномахи* в «Луче микрокосмоса». Данное сопротивление и бунт сформировали этос гуманистического мировоззрения, солидарности с более слабым, этос сострадания и глубокого человеческого сочувствия к жертве.

Источники – Primary Sources and Translations

Кант 1934 — *Кант И.* Прологомены ко всякой будущей метафизике, которая может появиться как наука. М.: ОГИЗ, Ленинград: ГСИ, 1934 (Kant, Immanuel, *Prolegomena zu einer jeden künftigen Methaphy, die als Wissenschaft wird auftreten können*, Russian Translation).

Негош 1975–1982 – *Негош Петар II Петровић.* Целокупна дела Петра Петровића Негоша. У 7 томова / Редакциони одбор: Н. Банашевић, Р. Бошковић, Р. Лалић, В. Латковић, П. Перовић, М. Стевановић. Т. 1. Цетиње, Обод, Београд, Просвета, 1975. (Njegoš, Petar II Petrović, *Complete works*, in Serbian).

Негош 1996 – *Петр II Петрович Негош.* Горный венец. Подгорица: Унирекс, 1996 (Njegoš, Petar II Petrović, *Mountain wreath*, Russian Translation).

Паскаль 1995 — *Паскаль Б.* Мысли / Пер. с фр. Ю.А. Гинзбург. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1995 (Pascal, Blaise, *Pensées*, Russian Translation).

Фукидид 1999 – *Фукидид.* История / Пер. с греч. М.: Наука, Ювента, 1999 (Θουκυδίδου *Ἱστορία*, Russian Translation).

Штраус 2006 – *Штраус Л.* О тирании. СПб.: СПбГУ, 2006 (Strauss, Leo, *On Tyranny*, Russian Translation).

Ссылки – References in Serbian

- Костић 1952 – *Костић Ј.М.* Његош према тиранству // Из Његошевих дела: анализе и интерпретације. Chicago: Palandech's Publishing House, 1952. С. 153–157.
- Ломпар 2017 – *Ломпар М.* Мисао између смрти и бесмртности // Његошево песништво. Београд: Српска књижевна задруга, 2017. С. 51–73.
- Обен 2013 – *Обен М.* «Горски вијенац» // Књига о Његошу / Избор. Мило Ломпар. Београд, Нови Сад: Српска књижевна задруга, 2013. С. 204–284.
- Радовић 2017 – *Митрополит Амфилохије (Радовић).* Свети Петар II, Цетињски пустињак и Ловћенски тајновидац. Цетиње: Светигора, 2017.
- Секулић 1996 – *Секулић И.* Његошу књига дубоке оданости. Подгорица: Октоих, 1996.

References

- Costić, Laza (1952) “Njegoš against the Tyranny”, *By Njegoš's Affairs: Analysis and Interpretations*, Palandech's Publishing House, Chicago, pp. 153–157 (in Serbian).
- Lompar, Milo (2017) “The Thought on Death and Immortality”, *Njegoš's Art of Songs*, Serbian Publishing House, Belgrade, pp. 51–73 (in Serbian).
- Oben, Mishel (2013) “The Mountain Wreath”, Lompar, Milo, comp., *The Book of Njegoš*, Srpska književna zadruka, Belgrade, Novi Sad, pp. 204–284 (in Serbian).
- Orwell, George (1970) *The Collected Essays, Journalism and Letters of George Orwell*, Vol. II, Penguin Books, London.
- Seculić, Isidora (1996) *The Book is for Njegoš with deep Devotion*, Oktoich, Podgoritsa (in Serbian).
- Radović, Amphilochije, bishop of Serbian Orthodox Church (2017) *Saint Peter II, the Hermit of Cetinje and the Searcher of Lovćen*, Svetigora, Cetinje (in Serbian).

Сведения об авторе

КРЦУНОВИЧ Душан –
доктор филозофских наука, доцент
филозофског факултета Черногорског
университета, Никшич, Чернoгoриja.

Author's Information

KRCUNOVIĆ Dušan –
PhD in Philosophy, an associate professor
at the Faculty of Philosophy, the University
of Montenegro, Niksic, Montenegro.